

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
АБХАЗИЯ

12 МАР 1975

г. Сухуми

Газета № . . . . .

тип ММФ 740

В МИРЕ ИСКУССТВА

Счастливых ролей, Нурбей!

Трудно найти в эти дни в Абхазии человека, который бы не посмотрел фильм «Белый башлык». Исполнителю одной из главных ролей в фильме — Марытхвы — актеру Сухумского государственного драмтеатра Нурбею Камкиа присвоено звание народного артиста Абхазской АССР. Наш корреспондент встретился и побеседовал с артистом.

* * *

Поначалу мне казалось, что беседа не получится: Нурбей Камкиа выглядел усталым, отвечал на вопросы скупно...

— Последние роли? Их у меня немного. Всего две — Лимон в «Белых знаменах» и Варравин в «Деле». Вот и все...

И тут я, думая только о том, как все-таки завязать разговор, произношу машинально:

— Лимон...

И он начинает говорить о Лимоне. Постепенно совершенно преобразается. Увлечен. Волнуется. Размышляет. И за каждым словом — искренняя заинтересованность судьбой того, о ком говорит...

— Понимаете, он — профессиональный вор. Он сидит в тюрьме. В тюрьмах он провел большую часть своей жизни. И все-таки он — человек. Он мог быть хорошим человеком. Он способен на искреннее чувство, у него тонкая душа, он ненавидит подлецов. Он с омерзением говорит о тех, кто ворует у государства. В последней сцене он выступает в своей камере как прокурор, выносит приговор себе и своим соседям.

Лимон уже не станет честным человеком — но он мог им стать. Во всяком случае именно так трактует эту роль Нурбей Камкиа. И он аргументирует свою трактовку.

— В романе есть сцена, которой нет в пьесе. В этой сцене мы узнаем о сестре Лимона. Он замирает, увидев портрет сестры, и возвращает человеку, у которого висит этот портрет, все, что у него награбил. А в сцене, где один из его соседей по камере получил письмо от матери, я стараюсь показать мысли Лимона о своей матери. У него в этом месте нет реплики, но я пытался сыграть здесь без слов, при помощи пластики, психологического состояния. Так же, как в тот момент, когда Лимон видит, как из тюрьмы выпускают прожженного

мошенника. Он ничего не говорит — просто смотрит. Но о том, как он относится к происшедшему, я догадываюсь по его реплике, обращенной секунду спустя к другому заключенному: «Молчи, ты такой же подлец!».

«Белые знамена» — это не просто пьеса, осуждающая взыточничество. Это пьеса о тех, кто еще молод, еще не стал прочно на ноги. О том, что в молодости человек, как чистая магнитофонная лента, на которую можно записать все, что угодно. О равнодушии людей, спокойно, молча проходящих мимо первых неверных поступков другого человека.

— Не может быть, — говорит Нурбей с болью, с ожесточением, — чтобы никто не видел, когда Лимон первый раз полез в карман! Но его никто не остановил, никто не встал на его пути... Вот он и дошел до такой жизни.

Я вижу, что артист Камкиа в эти полчаса словно заново пережил трагедию Лимона. Он всерьез расстроен, он не может заставить себя не думать о Лимоне.

— Каждый раз, — говорит он, — уходя после «Белых знамен» со сцены, я думаю, что Лимон все-таки человек. И не только он виноват в своей судьбе, но и все мы виноваты. Если общечеловечность не будет начеку, немало еще таких Лимонов разведется. Поэтому каждый не просто должен — обязан быть внимательным к человеку. Пусть это не его сын, даже не его знакомый — мы обязаны ему помочь...

— Нурбей, но если на каждого из своих героев вы тратите столько душевных сил... Их у вас ведь много?

— Много. Я уже 16 лет в театре. И ни один из тех, кого я сыграл, потом не уходит от меня. Они все со мной. Вот король Филипп из Дон-Карлоса... Я ведь уже 5 лет не играл его, а он не уходит, он — во мне. Я могу забыть реплику, слово, но его — нет.

— А есть любимые?

— Конечно. Петуа из «Цимбери», Леонардо из «Кровавой свадьбы», Азиз из «Дуэли», Аслан-бей из «Перед рассветом»...

— Аслан-бей?

— Да. А что? Он был неправ, он заблуждался. Но он искренне, фанатично верил в свою правоту. — Но они все такие разные...

— Да, но у каждого из них есть что-то, что близко мне. То ли способность все отдать, все сделать ради людей... То ли пре-

данность сильному, искреннему чувству. О такой роли, как Леонардо, мечтает каждый актер...

— А вот ваша последняя? Варравин?

Нурбей становится грустным, потом как-то нерешительно улыбается, словно решая: говорить ли — нет?

— Знаете, когда мне предложили роль Варравина, я даже задумался: почему режиссер именно мне предложил сыграть этого подлеца? Это ведь такой подлец, которого просто убить — мало. Его казнить нужно. И еще подумать — как. А тут, как нарочно, и следующая роль не лучше — Ковальский в «Трамвае желаний». Сейчас начинаем работать над этой пьесой. Этот Ковальский — настоящая скотина. И вот я должен его играть. Да и в кино мне досталась роль не лучше — Марытхва в «Белом башлыке». Этот кровопийца все сжигает, людей убивает. Дошло до того, что сын мой, выйдя из кино, спросил с досадой: «Почему тебя, папа, не убили?». А младший и того лучше сказал: «А если бы тебя кто-нибудь убил, тебе бы это понравилось?».

— В общем, — признается Нурбей, — я мечтаю сыграть такого человека, чтобы, если вдруг он умрет на сцене, зрители жалели об этом, а не радовались. Такой человек был бы мне ближе.

Давайте пожелаем Нурбею именно такую роль!

Ю. ГЕРИЯ.

На снимке: народный артист Абхазской АССР Нурбей Камкиа.

Фото С. Короткова.